

В.М. Рынков

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ОБЩЕСТВО: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Социальные и экономические проблемы воздействуют на сознание человека не только напрямую, через личные ощущения голода, бедности, симпатии и ненависти, основанные на собственном опыте. Подчас столь же важны и эмоции внушаемые. С изобретением печати и распространением средств массовой информации влияние внешних информационных импульсов резко возросло. Даже в России, стране с невысоким уровнем грамотности, в распространении революционных настроений большую роль сыграла печать. Время революции 1917 г. и гражданской войны — период массового вовлечения населения в политику. Поэтому принципиально важно понять, какие факторы определяли состояние информационного пространства, находившегося под контролем противоборствовавших сил, каков был удельный вес двух разнонаправленных процессов: идейной мобилизации общества государственной властью и информационной самоидентификации различных групп населения.

Данная проблема нуждается в осмыслении как в масштабах всего распавшегося имперского организма, так и в рамках отдельных крупных регионов. Приход к власти большевиков в конце 1917 — начале 1918 гг. сопровождался ликвидацией оппозиционной печати и формированием сети новых периодических изданий советского, партийного (большевистского), ведомственного и пропагандистского характера. Это были санкционированные и контролируемые государством средства массовой информации. Появление независимых печатных органов имело единичный и кратковременный характер.

Гражданская война привела к появлению на окраинах бывшей Российской империи территорий, неподконтрольных большевикам. В Поволжье и Прикамье государственные образования противников советской власти существовали несколько месяцев во второй половине 1918 г., на Урале — с лета 1918 по лето 1919 г., в Сибири — до конца 1919 г., а на Дальнем Востоке — до 1922 г. На протяжении доста-

точно длительного времени восток России представлял единый субрегион, остававшийся на пределах досягаемости советской власти.

Предметом изучения в настоящей статье станет печать на востоке России во второй половине 1918–1922 гг. Акцент будет сделан на выяснении степени её самостоятельности, особенностях взаимодействия с государственной властью и общественными институтами, специфике формирования общественного мнения в антибольшевистском лагере.

Большой интерес к данной проблематике обусловил обширную историографию. Первая попытка описать состояние периодики Сибири и Дальнего Востока после антибольшевистского переворота предпринята редактором газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адриановым еще в годы гражданской войны¹. Признавая цензурные ограничения, он отметил восстановление относительной свободы печати после свержения советской власти, что привело к росту количества изданий. Советские авторы основное внимание уделили описанию жесточайших гонений на оппозиционные периодические издания. Легальная печать, с их точки зрения, призвана была обслуживать идеологические запросы контрреволюции. Вопрос о положении прессы в лагере контрреволюции, её роли в общественной жизни затрагивался во многих исторических исследованиях, а так же стал предметом специального изучения в диссертациях и серии статей Н.М. Семенов и А.П. Волгина². В постсоветский период интерес к теме возрос. Сибирь

---

¹ Адрианов А.В. Периодическая печать Сибири с указанием изданий в 1918 году. Томск, 1919.

² Семенова Н.М. Профсоюзная печать Томской губернии как источник по истории рабочего движения в Сибири в период «демократической» контрреволюции в 1918 г. // История СССР и история КПСС. Томск, 1972. Вып. 3. С. 44–45; Она же. Сибирская периодическая печать о рабочем движении в период демократической контрреволюции // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 65–78; Она же. Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» // Там же. С. 79–95; Она же. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; Она же. Печать об отношении крестьян к социально-экономической политике Временного Сибирского правительства // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 137–145; Она же. Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 278–286; Волгин А.П. Буржуазная пресса Сибири и подготовка военной диктатуры Колчака // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984. С. 108–109; Он же.

ская периодика стала предметом изучения С.П. Звягина, А.Н. Никитина, Д.Л. Шереметьевой Э.Ш. Хазиахметова и ряда других авторов³. Сравнительный анализ положения прессы в лагере революции и контрреволюции предпринят в докторской диссертации и публикациях А.Л. Молчанова⁴. А.Л. Посадсков, А.Н. Никитин обратились к изучению других видов печатной продукции (книги, брошюры, листовки), ставя вопрос о функционировании книжного рынка на востоке России⁵. В настоящее время достаточно обстоятельно изучена цен-

---

К характеристике периодической печати как источнике по истории колчаковщины // Вопросы истории социальной и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 64–75; Он же. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: Автореф. канд. ист. наук. Томск, 1990.

³ Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991; Хазиахметов Э.Ш. Периодическая печать Омска (июнь — ноябрь 1918 г.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII–XX в.). Омск, 1996. С. 104–122; Звягин С.П. Сибирская пресса и власть: взаимоотношения газет и милиции при А.В. Колчаке // Проблемы культуры городов России. Омск, 1996. Ч. 1. С. 101–104; Он же. Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 68–78; Шереметьева Д.Л. Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г. // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 85–88; Она же. Власть и пресса в период «демократической контрреволюции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 129–134.

⁴ Молчанов Л.А. Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1997; Он же. Газеты России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.): опыт комплексного исследования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Он же. «Общественная и государственная жизнь с её бесчисленными разветвлениями... без газет совершенно немыслима». (газеты антибольшевицкой России в 1919 г.) // Белое дело. 2 съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922». М., 2005. С. 33–53; Он же. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 г.) М., 2001; Он же. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны. М., 2002.

⁵ Посадсков А.Л. Книга в армии Колчака: К вопросу о восстановлении книжного репертуара «белой» Сибири // Армия и книга. Новосибирск, 1995. С. 55–57; Он же. Проблемы сохранности печатной продукции Сибири в 1917–1920 гг.: Краевед. фонды библиотек и Сибирская книжная палата // Проблемы доступности и сохранности библиотечных фондов. История и современность. Красноярск, 2001. С. 73–82. Он же. Издательская деятельность чехословацкого корпуса в России (май — ноябрь 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002, № 3. С. 58–61. Он же. Культурный взрыв «третьей силы»: издательская деятельность сибирского и дальневосточного земства в 1917–1919 гг. // Ме-

зурная политика антибольшевистских правительств. Наряду с этим обозначился интерес к анализу работы органов пропаганды, созданных в антибольшевистском лагере государственной властью и общественными организациями⁶. Вместе с тем, взгляд отдельных авторов на изучаемую проблему остается мозаичным. Сосредоточиваясь на отдельных аспектах, историки подчас абсолютизируют значимость полученных в ходе исследования результатов.

Прежде чем углубиться в детали взаимодействия власти и общества на информационном пространстве изучаемого субрегиона, следует уяснить его квантативные характеристики. Но при попытке определить численность повременных изданий, этого важнейшего по степени воздействия на умы людей типа печатной продукции, возникают серьезные трудности. Данный вопрос остается не выясненным даже в специальной историографии. В многочисленных указателях, выходявших в советское время, обычно имелись безусловно полные библиографические данные о советских периодических изданиях. Но лишь в виде исключения составители указывали названия некоторых газет, выходявших на неподконтрольных советской власти территориях. При этом сведения о номерах, периодичности, сроках выхода, издателях и другая библиографическая информация, как правило, опускались. И только газеты и журналы, издававшиеся в антибольшевистском лагере большевиками и профсоюзами, описывались достаточно подробно.

стное самоуправление в Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 171–180; *Никитин А.Н.* Листовки и брошюры времен гражданской войны в Сибири: некоторые аспекты социальной роли // Библиосфера, 2005. № 1. С. 33–37.

⁶*Молчанов Л.А.* Агитационно-информационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. 1998, № 2. С. 17–23; *Шевелев Д.Н.* Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати). Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007; *Посадсков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Клио (СПб.). 1997. № 2. С. 131–133; Он же. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири: Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 162–167; Он же. Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. С. 73–77.

Только в последнее двадцатилетие появились издания, включавшие, в том числе и информацию о периодике, выпускавшейся в антибольшевистском лагере, а то и специально посвященные именно её описанию. Но все вышедшие до сих пор издания охватывают периодическую печать либо одного региона, либо одного или нескольких хранилищ, большинство из которых страдает неполнотой⁷. Сводных указателей по всем интересующим нас регионам не существует. Так, указатель газет отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (РГБ) дает информацию о 283 газетах из своих фондов, относящихся к востоку России. Только 137 из них выходило в Сибири в её современных территориальных рамках. Указатель Е.Н. Косых и С.Ф. Фоминых, учитывающий как раз только сибирскую печать, но на основе, главным образом, местных хранилищ, содержит сведения о 232 газетных изданиях. При этом многие газеты, хранящиеся в РГБ, в этот указатель не вошли. Хуже всего учтена периодическая печать Поволжья и Урала. Если относительно газет предпринимались многочисленные попытки каталогизации на уровне отдельных регионов (И.В. Нарский, например, зафиксировал на Урале 54 газеты), то журналы учтены значительно хуже. Нередко в архивных или библиотечных хранилищах обнаруживаются неучтенные в опубликованных каталогах издания. В архивных документах и периодике времен гражданской войны часто упоминаются периодические издания, не известные сегодня ни по каким библиотечным каталогам. Вероятно, многие газеты и журналы утрачены навсегда, от других сохранились только отдельные номера в одном из хранилищ. Даже авторы специальных монографий и диссертаций, не решаются назвать количество периодических изданий.

Попытка произвести учет всех газет и журналов, вышедших на территории востока России в период существования там антибольшевистских правительств, дала результаты, существенно дополняющие представления исследователей. С учетом полосы отчуждения

---

⁷ Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 — декабрь 1919 гг.): указатель газет и журналов. Томск, 1991; Газеты 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: библиографический каталог. Вып. 1–2. М., 1994; Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1996 гг. М., 1999; *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 592–604; Несоветские газеты (1918–1922 гг.): Каталог собраний Российской национальной библиотеки. СПб., 2003.

КВЖД удалось зафиксировать около 800 периодических изданий⁸. Данный перечень нуждается в дальнейшем уточнении, но является наиболее полным.

В каждом крупном городе выходило несколько ежедневных изданий, как правило, очень разной политической направленности. Центры политической жизни антибольшевистского востока являлись своеобразными «медиамегаполисами». Так, в Самаре, ставшей лишь на 4,5 месяца резиденцией Комуча (июнь — октябрь 1918 г.), издавалось не менее 24 газет и 6 журналов. В Омске с середины июня 1918 г. до середины ноября 1919 г. — не менее 45 газет и 27 журналов. В Томске за примерно такой же период фиксируется выход 28 газет и 17 журналов. В Иркутске с июля 1918 г. до конца января 1920 г. выпускалось, как минимум, 39 газет и 13 журналов. Но даже на фоне этих городов поражает ситуация во Владивостоке. Он дольше всего, до конца октября 1922 г., оставался вне контроля советской власти и в результате стал местом издания не менее 100 газет и 40 журналов. 14 газет и 4 журнала издавались в эти годы в Якутске, областном центре, но довольно маленьком городе с населением около 10 тыс. чел. Во многих небольших городах, являвшихся уездными центрами, тоже можно говорить о своеобразном информационном плюрализме, т. к. общим правилом стал выход 2–5 и более изданий. Таково оказалось медиапространство Ачинска, Ишима, Мариинска, Минусинска (около 10–20 тыс. чел.). Важно, что десятки городов, в которых раньше никогда не выходили газеты, обзавелись собственными изданиями в 1917–1919 гг. Для них это единственный систематизированный и хронологически выстроенный комплекс исторических источников о событиях периода гражданской войны.

Конечно, следует учесть нестабильность выпуска большинства газет и журналов. Продолжительность издания многих из них исчислялась несколькими неделями или месяцами. Лишь небольшая часть органов печати имела дореволюционный опыт работы и продолжала выходить в свет на протяжении всего антибольшевистского периода.

---

⁸ Учитывались издания, даже если известен единственный сохранившийся номер или выявлена представляющая достоверной информация о его существовании в других источниках. При этом переименование издания или его перенос в другой город, выпуск бюллетеня наряду с газетой фиксировались в качестве отдельной единицы. Это, естественно, ведет к преувеличению численности периодических изданий, зато исключает недоучет. Подобный порядок является общепринятым в библиографическом учете. Вопреки широко распространенной практике однодневные газеты не учитывались, т. к. они изначально задумывались как непериодические издания.

Но периодическими изданиями информационное пространство не ограничивалось. Большое значение имели непериодические органы печати. Прежде всего, это листовки — наиболее оперативный способ доведения властью официальной информации до населения. В каждом городе военные и гражданские органы управления публиковали листовки. Менее активно использовали этот способ придания гласности своим решениям и постановлениям земские и городские органы самоуправления и общественные организации. Последние, как правило, с помощью листовок сообщали публике о проведении благотворительных акций, сборе средств. Иногда выпускались брошюры и однодневные газеты. Традиция публикации отчетов, протоколов и журналов заседаний, съездов, совещаний и конференций органов государственной власти, самоуправления, кооперативных, предпринимательских и общественных организаций делала доступной информацию об основных событиях политической жизни общероссийского и местного масштаба. Подобного рода издания достоверно и объективно отражали происходившие события. Хотя значительной была и доля агитационных материалов, издававшихся органами власти и самоуправления, общественными организациями⁹.

Выпуск листовок и книжной продукции на востоке России учтен библиографами еще слабее, чем периодические издания. В основном такой учет осуществлялся специалистами в начале 1920-х гг., был неполным и часто ограничен узкими региональными рамками. Но и отложившиеся в архивах перечни впечатляют. Так, Самарской книжной палатой за период существования Комуча учтено 538 листовок, воззваний, объявлений. Г.В. Михеева указывает, что сводная информация из 40 известных ей списков непериодических изданий Поволжья, Урала и Сибири содержит сведения о 1354 наименованиях¹⁰. Если значительная часть листовок издавалась государственными органами, то большинство книг и брошюр публиковалось независимыми издателями.

---

⁹ Никитин А.Н. Листовки и брошюры времен гражданской войны в Сибири: некоторые аспекты социальной роли // Библиосфера. 2005. № 1. С. 33–37.

¹⁰ Михеева Г.В. «Белая» печать (белогвардейские периодические издания как объект библиографирования в 1918–1922 г.) // Библиография. 1992. № 3–4. С. 109–115. Достоверность приводимых автором сведений, однако, сомнительна. Выборочная проверка показала, что она ссылается на перечень изданий, опубликованных в Сибири в 1920 г. (ГАРФ. Ф. Р-395, оп. 1, д. 8, л. 68–71), т.е. при советской власти, хотя из текста статьи следует, что Г.В. Михеева считает приведенные в данном перечне издания «белогвардейскими» и учитывает их при подсчете общей численности антибольшевистских книг и брошюр.

Несмотря на падение спроса на книжную продукцию по сравнению с первым годом революции, он по-прежнему оставался высок. Причем государственная власть особенно в первые месяцы после возникновения антибольшевистских правительств обладала небольшими возможностями влиять на рынок печатной продукции. Этому способствовал ряд обстоятельств. В 1917 г. земские органы получили в свое распоряжение типографии бывших губернских управлений, и это сделало их одно из наиболее влиятельных сил на медиaprостранстве страны. В Сибири, где земство было введено только постановлением Временного правительства от 17 июня 1917 г., эти же меры проводились несколько позже. На протяжении года после свержения самодержавия резко возросли количество и объем изданий кооперативных союзов, всерьез занявшихся пропагандой социализма и кооперативных принципов хозяйственной работы. Советская власть встала на путь закрытия неподконтрольных ей периодических изданий и концентрации в своих руках издательской базы. Но на востоке страны советы не полностью вытеснили органы местного самоуправления. Просветительская же работа кооперации не испытывала больших препятствий со стороны советской власти. После антибольшевистского переворота в результате денационализации крупные издательства и типографии были возвращены в руки земских и городских органов самоуправления, частным лицам.

Кооперативные союзы к лету 1918 г. тоже располагали сетью издательств. Крупнейшим в Сибири было издательство Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт». Два кооперативных объединения были специально созданы для культурной работы. В октябре 1918 г. в Иркутске образовалось земско-кооперативное издательство «Сеятель». В конце 1918 г. в Барнауле возник Культурно-просветительный союз Алтайского края¹¹. Несмотря на то, что большинство кооперативных объединений соблюдало лояльность по отношению к государству, регулярно участвовало в благотворительных и пропагандистских акциях, инициированных властью, не это определяло содержание их работы. Массовыми тиражами выходили издания о теории и истории кооперации, теории социализма, художественная литература. Широко распространялась научно-практическая литература (по медицине, сельскому хозяйству и т. п.). Значительные усилия тратились на издания и переиздания учебников. На рынок поступали запасы нераспределенной книж-

---

¹¹ Посадков А.Л. Издательство и книжная торговля сибирской кооперации в 1917–1919 гг. (По материалам культурно-просветительского союза Алтайского края) // Сб науч. тр. ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 1977. Вып. 37. Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 121–138.

ной продукции, отпечатанной в 1917 — начале 1918 г. Кроме того, земства и кооперативные организации обладали весьма развитой сетью обмена периодикой и иной печатной продукцией. В результате государство оказалось влиятельным, но далеко не монопольным игроком на рынке услуг по изданию и распространению печатной продукции. Содержание распространяемой литературы подчас давало основания военным цензурным органам подозревать земские и кооперативные объединения в оппозиционной деятельности, что вызвало обыски и конфискации на книжных складах, аресты работников кооперативных и земских предприятий, вовлеченных в распространение печатной продукции¹².

Очень сложно судить о политике Комуча и других антибольшевистских региональных правительств на востоке России, в силу кратковременности их существования, но Российское правительство адмирала А.В. Колчака стремилось вернуть себе доминирующее влияние на информационном пространстве. Делалось это в том числе и путем реквизиции ряда кооперативных, земских и городских типографий «на нужды военного времени». Это позволяет говорить о том, что примерно к весне 1919 г. соотношение объема государственных и независимых изданий заметно изменилось в пользу первых, но влияние независимой прессы оставалось очень существенным. В определенной степени оно даже возросло благодаря появлению литературы, издаваемой антиколчаковским подпольем или в партизанских районах.

Наиболее значимые общественно-политические силы ставили перед собой задачу усилить воздействие на массы путем распространения печатного слова. Можно выделить два основных центра информационного влияния — это, с одной стороны, государство, а с другой — тесно сотрудничавшие друг с другом земские и кооперативные организации.

Конечно, ключевое значение имела государственная информационная политика. Недаром в структуре большинства правительств существовали специальные органы. В Поволжье 7 августа 1918 г. приказом Комуча № 205 создано Телеграфное агентство при Учредительном собрании» (ТАУЧ)¹³. При Западно-Сибирском комиссариате было образовано информационное бюро. 24 июля 1918 г. по решению Временного Сибирского правительства наряду с бюро было создано Сибирское телеграфное агентство (СТА)¹⁴, задачей которого стало своевременное

---

¹² Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002. Т. 3: 1917–1930. С. 152–162.

¹³ Вестник Комуча (Самара). 1918. 8 авг.

¹⁴ Сибирский вестник (Омск). 1918. 22 авг.

осведомление о событиях прессы, правительственных учреждений, общественных организаций и населения. Агентство сформировало местную корреспондентскую сеть и рассылало обзоры информации. С приездом в Омск Директории при нем было образовано Всероссийское телеграфное агентство (ВТА), исполнявшее функции, аналогичные СТА. Осенью 1918 г. главная задача, которая ставилась перед этими структурами, состояла в информировании населения через прессу, главным образом негосударственную, о действиях и намерениях правительства. 30 ноября 1918 г. они были слиты в Русское (Российское) телеграфное агентство (РТА), действовавшее в Омске, а с конца 1919 г. — в Иркутске.

Л.А. Молчанов отметил, что управляющим Информационным бюро Временного Сибирского правительства уже летом 1918 г. ставилась задача не просто информирования газет и населения о происходящих событиях, но и «уяснение, толкование и популяризация правительственных идей, заданий и мероприятий»¹⁵. Исходя из этого, автор делает вывод, что осведомление изначально приняло пропагандистский и тенденциозный характер. Подобный тезис базируется не на анализе деятельности Информационного бюро, а на декларировании намерений его руководителей. На практике четко осуществить задуманную цель было сложно, т. к. само правительство сотрясалось от внутренних конфликтов. Но дело даже не в этом. Разве в условиях гражданской войны структура, которая по сути дела являлась правительственным пресс-центром, могла ставить перед собой иную задачу, оставаться полностью политически нейтральной, особенно в условиях крайней политической ангажированности большей части неправительственных средств массовой информации? Скорее следует отметить практически полное отсутствие конкретных мер по реализации поставленных задач. Другое дело, что курс Российского правительства оказался более понятным и предсказуемым, а в 1919 г. работа РТА стала масштабнее. Оно ставило перед собой задачу более широкого информирования населения о политических событиях в столице и на местах. Большинство газет публиковало подборки новостных телеграмм РТА, которые получали из широко распространяемого и удобного для использования регулярно выпускавшегося бюллетеня. Кроме того, новости РТА выходили отдельными газетными изданиями и в виде листовок.

Интересно, что в период так называемой «демократической контрреволюции» эсеровские политики, определявшие правительственный курс в Поволжье и Сибири, понимали необходимость пропагандистской

---

¹⁵ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны. М., 2002. С. 82.

работы. В конце июля в Сибири информационный отдел МВД переименовали в информационно-агитационный. Тогда же быстро набрали штат из примерно 200 пропагандистов и информаторов. Они объезжали деревни, проводя своеобразные политинформации на сельских и волостных сходах. Комуч 24 августа 1918 г. учредил в структуре Ведомства внутренних дел агитационно-культурно-просветительский отдел. На уровне уездов возникли его отделения. В одних уездах удалось наладить тесную связь с местными сельскими служащими, готовыми без оплаты помогать в работе с населением, в других работа в деревне так и не была организована, и вся деятельность отделений свелась к формальному распространению листовок.

Очень быстро обнаружилось существенное противоречие в деятельности пропагандистских учреждений в Поволжье и Сибири. С точки зрения государства, их работу следовало нацелить на мобилизацию сознания, идейную подготовку населения для борьбы с большевизмом. Но контингент работников — агитаторов и информаторов — рекрутировался, главным образом, из сельской интеллигенции и созданного революционными событиями слоя образованных маргиналов. Такие люди мало подходили для решения поставленных перед ними задач по идеологическому обеспечению борьбы против советской власти. К тому же четких инструкций о политическом направлении агитационной работы ни в Поволжье, ни в Сибири не было выработано. Сами информаторы и агитаторы подчас воспринимали офицерский корпус как олицетворение реакции, критично оценивали действия военных по отношению к крестьянству, а население убеждали, что правительство должно немедленно ограничить влияние военных и передать всю полноту административной власти выборным от местного населения органам. Если в Поволжье идеологическая работа с населением прекратилась сама собой в результате отступления Народной армии Комуча, то в Сибири она оказалась постепенно свёрнута самим правительством. Этот курс, начатый еще Временным Сибирским правительством, довершило Российское правительство, ликвидировавшее информационно-агитационный отдел МВД в конце ноября 1918 г. Одной из причин стало понимание расхождений между стратегическими запросами государства и характером проводимой на местах работы. В дальнейшем колчаковский режим сознательно устранился от дирижирования идеологическими процессами.

До весны 1919 г. работа по формированию государством общественного мнения не была никак организационно оформлена. Даже действовавшие в армии с января 1919 г. Особые канцелярии при штабах всех уровней слабо себя проявляли. Армейские отделы внешкольного образования больше интересовались общим просвещением солдат и

организацией их досуга, чем идейной мобилизацией. Только 9 июня 1919 г. при Штабе Верховного главнокомандующего возник Осведомительный отдел, нацеленный на идеологическую работу с военнослужащими.

Российское правительство стыдливо опасалось создавать государственные органы для идеологической работы с населением. Противоречия между продекларированным принципом соблюдения свободы печати и стремлением мобилизовать общественное мнение привели к тому, что учрежденное 8 марта 1919 г. совещание по делам печати выдвинуло идею организации частного издательства для политической агитации. Так возникло АО «Русское общество печатного дела», 60% акций которого были оплачены из средств казны. Частным лицам Российское правительство постепенно компенсировало затраты на покупку акций. Общество работало главным образом на средства государства и по его заказам печатало брошюры. Оно имело отделения в 18 городах Урала, Сибири и Дальнего Востока и выпустило 32 брошюры, а также листовки и плакаты общим тиражом 19 млн 35 тыс. экз. Для поддержания работы прогосударственной издательской структуры приходилось принимать подчас беспрецедентные меры, например, объявлять «Неделю печати», когда омские типографии должны были печатать только агитационную литературу по заказам Российского правительства и «Русского общества печатного дела». Летом 1919 г. в штате общества числилось 620 чел.¹⁶ Естественно, содержание такой огромной машины требовало значительных средств. В полной мере информационно-агитационная работа развернулась уже в период отступления Белой армии. Уже по одной этой причине эффект от нее не мог быть полным. Несмотря на то, что в пропагандистских органах колчаковского режима были задействованы серьезные интеллектуальные силы, казенно-патриотический дух пропитал работу этого ведомства.

В организации пропагандистских усилий государству активно помогали муниципальные и общественные организации. Сфера их взаимодействия полна противоречий. Конечно, правительство хотело бы иметь сильные, активно работавшие информационно-пропагандистские структуры, независимые от государства и в то же время укреплявшие его авторитет. Но это удавалось делать в основном на казенные средства. Общественные и муниципальные организации не хотели заниматься идеологической работой по «государственному заказу» на свои деньги. Предпринятые по собственной инициативе акции в подав-

---

¹⁶ Очерки истории книжной культуры... С. 100.

ляющем своем большинстве нацеливались на решение других, сугубо мирных задач.

В земских и городских управах функционировали внешкольные отделы просвещения. Каждый крупный кооперативный союз имел в своей структуре неторговый отдел, который по сути дела занимался просветительской работой¹⁷. Сформировавшиеся на востоке России в 1917–1918 гг. земства направляли значительные усилия на школьные и внешкольные формы образовательной деятельности. Становление их просветительских учреждений как раз приходилось на период гражданской войны со всей вытекающей отсюда необходимостью повышенных расходов на организационные нужды. Смета Барнаульской городской управы предполагала затрату 70 тыс. руб. на содержание городской публичной библиотеки. Из этой суммы 20 тыс. относилось за счет ссуды от правительства¹⁸. Златоустовское земство изыскало на просвещение 484,5 тыс. руб., организовало сеть из 52 библиотек. При некоторых из них работали курсы, народные чтения. В Оренбургской губернии содержание 55 библиотек на $\frac{2}{3}$ оплачивалось казной, остальное — земствами¹⁹. Примером организованной просветительской работы могли служить многие другие земские и городские органы востока России²⁰.

А.Л. Посадсков, описывая просветительную работу земств на востоке России, охарактеризовал её как «культурный взрыв третьей силы»²¹. Но есть все основания расширить характеристику «третьей силы», включив в него органы городского самоуправления, кооперацию. Действительно, эти объединения имели хорошую материально-техническую базу для развертывания культурно-просветительной работы. В их руках находились крупнейшие в восточной части страны издательские и типографские ресурсы. Летом — осенью 1918 г. они обла-

---

¹⁷ Сибирский рассвет (Барнаул). 1919. № 3–4. С. 124–126; Аксарин В.В. Культурно-просветительская деятельность Обь-Иртышского союза кооперативов // Диалог культур и цивилизаций: Тез. V всерос. конф. Тобольск, 2004. С. 79–80.

¹⁸ Кривonosов Я.Е. Местное самоуправление и библиотечное строительство: опыт алтайского земства в документах ЦХАФАК // Библиотека и краеведение: современные тенденции: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 12–15.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-320, оп. 2, д. 113, л. 32об.

²⁰ Молчанов Л.А. Земские библиотеки за Уралом в годы гражданской войны // Библиотека. 2001. № 8. С. 75; Он же. Библиотеки белого востока России (1918–1919 гг.) // История белой Сибири: Материалы VI междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 178.

²¹ Посадсков А.Л. Культурный взрыв «третьей силы»: издательская деятельность сибирского и дальневосточного земства в 1917–1919 гг. // Местное самоуправление в Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 171–180.

дали разветвленной сетью газет и журналов, которые имели достаточно крупные тиражи²². Лишь постепенно официальная и официозная печать потеснила их, но не вытеснила.

Принципиально важно не только констатировать наличие независимых от государства издательских центров, но и понять, насколько свободны они были в подборе публикуемого материала. Для ответа на этот вопрос потребуется проанализировать цензурную политику антибольшевистских правительств.

На востоке России правовой основой для проведения цензурной политики являлось слегка подкорректированное законодательство Временного правительства. И хотя 1917 г. — это время наибольшей свободы печати в России, но перечень прописанных в законе прав цензоров и запретов на публикацию информации был настолько широк, что реализовать его в полной мере оказывалось невозможно даже в суровое время гражданской войны, да обычно никто и не пытался. После свержения советской власти на востоке России цензура печатной продукции официально отсутствовала, хотя, конечно, военные пытались вмешиваться в деятельность средств массовой информации и настаивали на необходимости создания специальных контролирующих органов. Такая же ситуация была и в Сибири. 10 сентября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства подтвердил действие трех нормативных документов, касающихся контроля над общественным мнением: о специальной военной цензуре печати, о специальном военно-почтовом контроле и перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и распространению путем почтово-телеграфных сношений²³.

До конца осени 1918 г., несмотря на рекомендации Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства организовать наблюдение за печатью, контроль власти над средствами массовой информации осуществлялся эпизодически. Лишь часть вышедших в Си-

---

²² *Шереметьева Д.Л.* Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г. // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф. Томск, 2007. С. 85–88.

²³ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Новосибирск, 2007. С. 391; Архив новейшей истории. Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства. Март — октябрь 1918 г. в 4-х т. Т. 3. Июль — август 1917 г. М., 2004. С. 188–189. «В настоящий момент является крайняя необходимость издания закона о военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле»: документы Временного Сибирского правительства // Белая гвардия. Альманах. 2001, № 5. Белое движение на востоке России. С. 92–97.

бири газет и журналов попадала в поле зрения властей. Даже введение военного положения в конце июля — начале сентября 1918 г., давшее уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия право на приостановку выпуска периодических изданий и наказание их редакторов, принципиально не изменили ситуацию. Ведь технического аппарата для контроля над всеми выходящими газетами и журналами создано не было²⁴. Многочисленные случаи применения к прессе цензурных запретов, большинство которых выявлено историками и введены в научный оборот, вовсе не свидетельствуют о тотальном контроле за печатью²⁵. Напротив, проанализировавшая взаимодействие прессы и власти в период «демократической контрреволюции» Д.Л. Шереметьева показала, что цензурные запреты не базировались на твердой нормативной базе и не имели системный характер, а являлись импровизацией местных властей. Закрываемые издания, как правило, очень быстро возобновлялись под другими названиями.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. внес изменения в цензурную политику. На следующий день после провозглашения власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака была введена предварительная цензура. Газетные страницы застрелили белыми полосами. Иногда они сопровождалась надписями — «статья снята военной цензурой» или аналогичного содержания. Вероятно, эту меру следует считать целесообразной — утверждение нового режима требовало информационного спокойствия. Во многом благодаря цензурным запретам накал гражданского противостояния в связи с государственным переворотом был снижен. Менее чем через две недели появились приказы Верховного правителя от 30 ноября 1918 г. № 57 и № 59, которые отменяли предварительную цензуру везде, кроме местностей, входивших в театр военных действий, и подтверждали полномочия военной цензуры²⁶.

---

²⁴ Шереметьева Д.Л. Власть и пресса в период «демократической контрреволюции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 131.

²⁵ Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции»: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 27–29; Она же. Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 278–286.

²⁶ Правительственный вестник (Омск). 1918. 7, 8 дек.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 — январь 1920 г.). Вып. 1. Томск, 2002. С. 32–35.

Официально Верховный правитель провозгласил себя приверженцем относительной свободы печати, чем и мотивировал отмену предварительной цензуры периодических изданий. Власть оставила за собой другой механизм влияния на прессу — право на закрытие печатного органа по ходатайству военно-цензурного отделения или начальника гарнизона и широко им пользовалась. Трудно судить, следует ли с правовой точки зрения считать этот шаг смягчением или ужесточением цензурной политики. Но предварительная военная цензура сохранилась и заявляла о себе белыми пятнами снятых с публикации статей. Гонения на оппозиционную прессу не только в виде запретов публикации материалов, но и штрафов, закрытия печатного органа без права возобновления оставались широко распространенным явлением²⁷. Они коснулись практически всех оппозиционных изданий профсоюзов, эсеров и социал-демократов, большинства земских печатных органов, многих частных газет.

В то же время государство в конце 1918 — первые месяцы 1919 г. не стремилось проводить информационно-идеологическую интервенцию. Лишь с конца весны 1919 г. оно стало активно насаждать официозные издания. Все это сильно изменило архитектуру периодических изданий в пользу сокращения численности оппозиционных органов и роста проправительственных газет и журналов. Принципиально важно отметить, что своеобразный «центр» этого спектра масс-медиа — пресса умеренного политического содержания — не претерпел принципиальных изменений. Исключение составляет лишь ситуация в Забайкалье, где на протяжении 1919 г. жесткими репрессиями была практически полностью ликвидирована легальная оппозиционная печать. Когда Восточное Забайкалье в 1920 г. стало важнейшим оплотом контрреволюции на востоке страны, там существовали только государственные или зависимые от государства периодические издания. Но отношения власти и прессы в этом регионе нельзя считать характерными для всего востока России.

В последние годы исследователи сильно преувеличивают значение цензуры и правительственной пропаганды в прессе. В частности, Л.А. Молчанов утверждает, что «антибольшевистские государственные образования проводили политику монополизации газетного дела... информационно-пропагандистские (осведомительные) агентства [...] являлись основой глобального манипулирования общественным мнением со стороны властных структур. Через них власти осуществляли монопо-

---

²⁷ Звягин С.П. Цензура в условиях белой Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 71–74.

лию на получение, отбор, комментирование и распространение информации [...] До правительственных учреждений доходила во многом мифическая картина социальной борьбы в России, которую газетные издания рисовали на своих страницах, выполняя социальный правительственный заказ»²⁸. И хотя автор тут же оговаривается, что в тех условиях «манипулировать общественным мнением было практически невозможно»²⁹, но сам его подход, в рамках которого он проводит параллели между ситуацией с информацией в лагере «красных» и «белых», представляется не обоснованным. Он очень близок к концепции, культивировавшейся в советской историографии. В соответствии с ней основная часть прессы — «кадетские, военные и прочие верные режиму периодические издания [...] освещали события в свете идей центрального руководства», что позволяло говорить о существовании «вполне оформившегося аппарата идеологического, пропагандистского и психологического воздействия, который был подчинен единым целям и представлял собой достаточно большую силу»³⁰.

Задачу тотального контроля над общественным мнением, монополизации периодической печати ни одно антибольшевистское правительство не ставило. Нужно четко оговорить два важных момента. Во-первых, функции официальных правительственных изданий далеко не сводились к пропаганде. Напротив, их главная задача состояла в информировании населения о деятельности центральных и местных властей, и в этом смысле они играли важную роль посредника между властью и обществом. Большинство сообщаемых официальными печатными изданиями сведений отличала идеологическая нейтральность. Во-вторых, подавляющая часть выходивших на востоке России изданий не являлась правительственными, многие оставались в умеренной и конструктивной оппозиции. Более того, даже лояльные политическому режиму газеты либерального толка подчас очень убедительно и жестко критиковали конкретные действия властей, помещали на своих страницах глубокие аналитические материалы, которые не позволяют относить к официальным этот круг изданий. Таковы «Отечественные ведомости» (Екатеринбург), «Заря» (Омск), «Сибирская жизнь» (Томск), «Голос Приморья»/«Голос Родины» (Владивосток) и многие другие. Подобные крупные газеты давали весьма объемный срез событий в регионе. Информационные цели у них превалировали над стремлением угодить властям.

---

²⁸ Молчанов Л.А. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство. М., 2007. С. 84, 85.

²⁹ Там же. С. 92.

³⁰ Волгин А.И. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: Дис... канд. ист. наук. Томск, 1990. С. 83.

Манипулировать общественным сознанием в угоду правящей власти действительно стремились специально созданные для этого пропагандистские структуры и их специализированные издания, выпускавшиеся на правительственные субсидии. В последние годы их деятельность активно изучается. Очевидно, что если анализировать характер работы только подобных газет, можно прийти к выводам, искажающим общую картину. В наличии такого рода издательских структур и значительном объеме выпущенной ими пропагандистской литературы нет ничего удивительного. Постоянная перестройка органов пропаганды и агитации, слабость интеллектуальных сил, задействованных в подготовке литературной продукции, привели к тому, что количественные параметры таких изданий были невелики, а их влияние на общественное мнение оказывалось ниже их удельного веса в общем объеме печати. Официозно-пропагандистская печать ни числом, ни по влиянию не превосходила прессу социалистической оппозиции, к которой можно отнести большинство изданий земств, кооперации, профсоюзов и социалистических партий. Более того, основные усилия по изданию пропагандистских газет и журналов были предприняты в последние месяцы существования Российского правительства (лето — осень 1919 г.), т.е. в период отступления Белой армии. Поэтому продолжительность их выпуска была невелика, а редакции переживали постоянные реорганизации. $\frac{2}{3}$ такой печатной продукции распространялось в армии. Следовательно, правительственная пропаганда совершенно не могла заполнить информационное пространство и существенно потеснить влияние изданий и публикаций иной направленности.

Конечно, следует учесть, что круг официозной печати не ограничивался только изданиями государственных учреждений и осведомительных военных структур. На средства правительства могли издаваться зарегистрированные на частного владельца или общественную организацию газеты или журналы³¹. Но к аналогичным методам сокрытия истинной «политической физиономии» издателя прибегала и оппозиционная печать. Выпускаемые профсоюзами, земствами и кооперативными союзами периодические издания и литература также несли сильный идеологический заряд и нацеливались на пропаганду идей социализма и своеобразно понимаемых идеалов демократии. В этом смысле «демократическая общественность» влияла на складывавшуюся в общественном сознании картину политической жизни не в меньшей, а значительно большей степени, чем государственная пропаганда.

---

³¹ Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 69.

После непродолжительного ужесточения цензурных гонений в связи с государственным переворотом 18 ноября 1918 г. ситуация трансформировалась в сторону большей подконтрольности периодических изданий военно-цензурным органам. Конечно, идейно-политическая направленность работы цензоров очевидна — запрету подвергались, прежде всего, газеты и журналы, издаваемые профсоюзами, меньшевиками и эсерами, или отдельные статьи, подготовленные для публикации в них. Но, как правило, цензоры действовали, руководствуясь субъективными соображениями. Даже в одном городе то, что запрещалось к изданию в одной газете, разрешалось в другой. Многие издания, запрещаемые по цензурным соображениям, возобновлялись под другими названиями. Свообразный рекорд в этом смысле поставила приморская большевистская газета «Красное знамя», которая во второй половине 1918 — начале 1919 г. выпустила 130 номеров под 12 разными названиями. На заключительном этапе гражданской войны ситуация мало менялась. При меркуловском режиме в 1921 г. большевики возобновили выпуск «Красного знамени», но также были вынуждены сменить 12 названий³². В результате цензура перекрывала или ограничивала одни каналы информации, но оставляла множество других. Поэтому её деятельность не сказывалась принципиально на многообразии публичных и доступных читателям оценок политической жизни.

Л.А. Молчанов, утверждая существование государственной монополии на информацию, подразумевал, вероятно, монополизацию источников сведений о новостях мировой и общероссийской политики. Это не удивительно. Во всем мире пресса в то время получала оперативные новости, главным образом, от информационных и телеграфных агентств. Однако у крупных общественных корпораций (органов местного самоуправления, профсоюзов, политических партий, кооперации) имелись собственные источники информирования и даже выпускались информационные бюллетени для внутреннего пользования. Наконец, их информационные отделы или пресс-бюро собирали информацию с мест. Это были неподцензурные каналы передачи и обработки сведений. Печать широко использовала новостные сводки не только государственного, но и частных информационных агентств, пользовалась иностранными источниками, черпала сведения из других газет, от собственных корреспондентов, из писем читателей. Говорить о государственной монополии на новости нет никаких оснований, особенно если мы обратимся к уровню местной новостной информации. Большинство

---

³² Бреслав Е.И. Большевистская печать Приморья (1918–1922 гг.). Владивосток, 1958. С. 81.

газет публиковало массу оригинальных, подчас остро критических материалов в разделах, посвященных именно местной жизни. Как правило, эта часть публикации, если она не касалась оценки деятельности военных или сведений об операциях против партизанских отрядов, оставалась вне интересов цензуры.

Одной из важных научных проблем остается определение степени влияния публичной информации на современников. Последняя тесно связана с особенностью функционирования общественного мнения в России периода гражданской войны. С одной стороны, хорошо известно, что основная масса печатной продукции распространялась в городах. Органы государственной власти антибольшевистских правительств в рамках военно-пропагандистской кампании, а земства и кооперативы в своей культурной работе специально нацеливались на распространение литературы в деревне. Существовали даже специальные издания для бесплатной рассылки по деревням. Но считать тиражами и экземплярами в данном случае нецелесообразно. Есть достоверные сведения о том, что подчас такие издания оседали в волостных органах в нераспечатанных пачках³³. С другой стороны, можно привести немало примеров, когда новостные издания, с трудом доходя до деревни, шли там на расхват, а сельские библиотеки и читальни не знали отбоя от посетителей. В сельской местности существовала группа регулярных читателей прессы, следившая за событиями и постоянно откликавшаяся на информационные сигналы печати. Социальный портрет таких читателей очевиден — это сельская интеллигенция: кооператоры, учителя, священники, торговцы, работники земельных органов. Они не являлись референтной группой для остальных сельских жителей. Газетные и журнальные новости доходили до рядовых сельчан на уровне слухов, изустных интерпретаций. Это создавало широкое поле для мифотворчества, причудливо порождаемого крестьянским архаизированным сознанием.

Каковы бы ни были усилия издателей, $9/10$ печатной продукции потреблялось в городах. Также следует учесть, что оперативность передачи новостей оставалась весьма невысокой. Причем рост числа газет и журналов почти не сказался на скорости распространения информации и глубине её проникновения в «социальную толщу». Но было и другое — внимательное отношение к информации со стороны государственных органов. Центральные органы управления тщательно отслеживали опубликованную информацию, их аналитические службы (информационные, статистические и пр. подразделения) де-

---

³³ Юрцовский Н.С. Сибирское земство в первый год его существования. Вып. 1. Ход земской реформы в 1917 г. Татарск, 1919. С. 4.

лали её сводки и подборки. Аналогичные службы имелись у крупных общественных организаций — Всесибирского союза кооперативных съездов, Всесибирского союза земств и городов, Всероссийского союза съездов промышленности и торговли и других. Такая работа позволяла получить весьма обширные, разнообразные и с разной точки зрения освещаемые события. Все это говорит о востребованности информации со стороны государства и общества. Издательства крупных газет и журналов также собирали текущую информацию из прессы и публиковали её на своих страницах. Таким образом, они сами становились своеобразными информационными агентствами, относительно успешно выполняя свою главную функцию по информированию населения. В этом смысле существование многочисленной прессы оборачивалась высоким уровнем осведомленности власти и общественности (но не общества в целом) о происходивших событиях.

В период существования антибольшевистских правительств на востоке России информационное пространство представляло собой мощную и сложную систему, стержнем которой являлась периодическая печать. Её отличало многообразие форм собственности, общественно-политической направленности, ориентация на потребителей разного интеллектуального и социального уровня. Государство было важнейшим субъектом информационного процесса. Оно в значительной мере ограничивало свободу слова, имело возможность сильно корректировать идеологический облик значительной части изданий. Но это влияние не было абсолютным и целиком определяющим. Рычагов эффективного блокирования распространения неблагоприятной для находившихся у власти антибольшевистских правительств информации не существовало. Общественные организации и заинтересованные группы сохранили возможность ощутимо воздействовать через свои органы печати на общественное мнение, а через него и на сами органы государственной власти.